

«Одесский листок» 1900, 30 января, № 28, ст.

С неевского берега. Наши первые почетные академики-писатели.

с. 2

рою, но красноречивою моральною и необходимостью света, света и света для темных людей, ощущенью бродящих в безпросветной действительности. Пьесы А. А. Потехина всегда обращали на себя внимание искусством своего построения и прекрасным языком. Заслуженный драматург много и с большим пользою работал еще для русского театра и как бывший (в течение шести лет) начальник репертуарной части в Александринском театре: он принимал и к русским пьесам правила мейнингенских постановок, выдвигал и постоянно держал на первом плане классический русский репертуар, восстанавливал и перевоспитывал к лучшему всю нашу труппу и вообще значительно поднимал общий уровень сценического исполнения в нашем театре и по своему положению, и по своему персоналу, и по средствам, драматическом театре.

Владимир Сергеевич Соловьев — сын знаменитого профессора-историка, выдающийся мыслитель и писатель; гуманист-философ и энциклопедист в обширном смысле слова: историк, эстетик, критик, богослов, моралист, поэт и лингвист. Бывший профессор, один из самых видных деятелей в современной философской литературе, постоянный сотрудник двух наших наиболее солидных и содержательных журналов («Вестник Европы» и «Русской Мысли»), очень много поработавший и для историко-философского отдела в «Энциклопедическом Словаре» изд. Брокгауза и Ефрона, В. С. Соловьев известен своими многими учеными работами, которыми он чаще всего придавал форму светлых монографий. Это один из образованнейших русских людей, с истинно орлиным взмахом и взором, обхватывающим большие дали. Он имеет полное право сказать про себя: homo sum et nihil humani me alienum esse. Блестяще усвоенная им литературно-научная всеобщность не растворяла его в себя и не обезличила: есть крупные и сложные вопросы догматические, философские, художественные, по отношению к которым В. С. сохранял свою полную индивидуальность, выдерживая и защищая ее очень интересно и талантливою аргументацией. Язык его не богат красками и не отличается безукоризненностью речей. Он суховат и книжен, но ясность и точность его не заставляют в этом отношении ничего от него желать. Вообще, это большой человек, очень крупный мыслитель и писатель всегда самостоятельный и оригинальный, всегда высоко-настроенный и проникновенный.

О Толстом — говорить нечего. Достаточно напомнить, что это не только наш величайший современный писатель, но и вообще величайший, после Пушкина, русский литературный гений. Он один наполнил своими мировыми произведениями («Крейцеров Соната», «Власть тьмы», «Смерть Ивана Ильича» и друг.) всю нашу литературу восьмидесятих и девяностых годов.

Наконец, Антон Павлович Чехов — писатель самый молодой в класе наших почетных академиков. Его прославили созданный им малый балетристический миниатюр. Чехов — очень большой мастер на малых вещах. Ему принадлежат длинные ряды чудесно-напи-

санных сценок, очерков и рассказов. Многие из них дают иллюзии живой, осязаемой действительности и производят очень тонкое и увлекательное художественное обаяние. В этом даровании — множество качеств и сил, слытых в одно гармоническое целое. Поразительная наблюдательность фонографа-художника, умные подбирать для рисунка штрихи, наиболее рельефные, важные и нужные, теплота и задушевность авторского темперамента, меланхолия мягкой, как-бы разлитой в пространство, точно зорь, грусти, очень светлой и сочной, порою прямо восхитительный, юмор шаприста, портретиста, нередко почти водевиллиста, наконец, вполне своеобразный анализ дѣлал и дѣлают произведения Чехова весьма приятными литературными подарками для читающей русской публики. Писатель имел успех и как драматург. Чехову принадлежит довольно известная пьеса «Иванов», героя которой можно считать почти родовым типом...

Наши первые писатели-академики, конечно, только откроют почетное вступление литературных светил в состав академического персонала. Приведенный список избранных академиков можно и нужно считать только начальным и временным. Иначе, если-бы предположить его уже заполненным и закрытым, они производили-бы весьма серьезное недоумение, потому что было-бы очень трудно понять отсутствие в рядах академиков таких неоспоримо-крупных, влиятельных и многоваслуемых литературных деятелей, как Б. Е. Арсеньев, П. Д. Боборыкин и В. Д. Спасович.

Петербург.

Бульва.

ВОЗМВЗДІВ.

Он сидел, прижавшись друг к другу, старшая — в пресле, младшая — у ее ног, на скамейке.

— Мама, сказала дочь, поднимая голову с колѣн матери, — мама, я хочу тебе сказать что-то очень, очень важное.

— Говори, Вѣруня, — сказала мать, ласково проводя рукой по волосам дочери.

Дѣвушка снова спрятала лицо в складку материнского платья.

— Буряцков сдѣлал мнѣ предложеніе, — сказала она тихо.

Мать вздрогнула и поблѣднѣла.

— Предложеніе? — переспросила она глухо, приподнимаясь.

— Да.

— И что-же?

— И я его приняла.

Мать оттолкнула голову дочери и вскочила с мѣста.

— Это невозможно!

Дочь, пораженная, тоже поднялась.

Он стояли другъ противъ друга. Одна, съ разбѣгомъ ушла сдѣланой въ волосы, другая — еще не вышедшая почти изъ дѣтского возраста.

— Это невозможно, — повторила старшая.